

DOI: 10.26794/2220-6469-2021-15-4-74-87
 УДК 338.1; 339.1(045)
 JEL E25, F01, F02, F63

Неравенство мирового развития как глобальный вызов: модели «ответа»

В.М. Матюшок^а, С.А. Балашова^б

РУДН, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-7759-6047>; ^б <https://orcid.org/0000-0003-1797-8825>

АННОТАЦИЯ

Неравенство мирового развития порождает неустойчивость мировой экономики, ведет к росту социальной напряженности и наряду с угрозой изменения климата является приоритетной проблемой человечества. Цель исследования — раскрыть параметры и динамику мирового неравенства, показать его направленность, тенденции, а также дать оценку западной и китайской моделям («ответам») на данный вызов, что является крайне актуальной научной и практической задачей. Методы работы базируются на исследовании концепции неравенства мирового развития с использованием количественного и качественного анализа в соответствии с законом «вызов-ответ». Для количественного анализа использовались современные методы статистического анализа, в частности квантильные регрессии. В результате обосновывается вывод о том, что основным вызовом современности является неравенство мирового развития, которое усилилось под воздействием пандемии. Показано, что, несмотря на снижение доли стран с высокими доходами (в частности, G7) в мировом ВВП, сохранилась тенденция к росту разрыва в доходах на душу населения между странами с высоким и средним уровнем дохода. Выявлена тенденция в показателе «доля труда в ВВП» для стран с высоким и средним уровнем дохода за последние 20 лет, подтверждающая гипотезу об усилении неравенства между владельцами капитала и работниками в ряде стран, в частности США. Показано, что западная модель мироустройства не ориентирована на разрешение проблемы неравенства. Полученные результаты могут быть использованы для разработки концепций и моделей снижения мирового неравенства.

Ключевые слова: неравенство мирового развития; неравномерность темпов роста; доли труда в ВВП; инклюзивное развитие; модель «великой перезагрузки»; гомеостаз в экономике; «сообщества единой судьбы человечества»

Для цитирования: Матюшок В.М., Балашова С.А. Неравенство мирового развития как глобальный вызов: модели «ответа». *Мир новой экономики*. 2021;15(4):74-87. DOI: 10.26794/2220-6469-2021-15-4-74-87

ORIGINAL PAPER

Inequality of World Development as a Global Challenge: “Response” Models

V.M. Matyushok^a, S.A. Balashova^b

RUDN University, Moscow, Russia

^a <https://orcid.org/0000-0002-7759-6047>; ^b <https://orcid.org/0000-0003-1797-8825>

ABSTRACT

The inequality of world development as a global “challenge” creates instability of the world economy, leads to an increase in social tension, and along with the threat of climate change, is a priority problem for humankind. The study aims to reveal the parameters and dynamics of global inequality, show its direction, tendencies, and assess the Western and Chinese models (“responses”) to this challenge, which is a highly urgent scientific and practical task. The research methods are based on developing the concept of inequality in world development using quantitative and qualitative analysis following the “challenge-response” law. For quantitative analysis, we used modern methods of statistical analysis, in particular, quantile regressions. Based on the received results, we concluded and substantiated that the main challenge of our time is the inequality of world development, which has increased under the influence of the pandemic. We have shown that despite the decrease in the share of high-income countries (notably the G7 countries) in world GDP, the trend towards an increase in the gap in per capita income between high and middle-income countries has continued.

We also revealed the indicator of labour share in GDP for high and middle-income countries, confirms the hypothesis of increasing inequality between capital owners and workers in several countries over the past 20 years, particularly the United States. We have shown that the Western model of the world order is not focused on solving inequality. The results obtained can be used to develop concepts and models for reducing global inequality.

Keywords: inequality of world development; uneven growth rates; the share of labour in GDP; inclusive development; the “great reset” model; homeostasis in the economy; “communities of the common destiny of mankind”

For citation: Matyushok V.M., Balashova S.A. Inequality of world development as a global challenge: “Response” models. *The World of New Economy*. 2021;15(4):74-87. DOI: 10.26794/2220-6469-2021-15-4-74-87

ВВЕДЕНИЕ

Неравенство мирового развития как глобальный вызов человечеству долго не признавалось западными теоретиками. Более того, оно считалось естественным для экономики, основанной на системе всеобщей конкуренции. Томас Мальтус впервые поставил вопрос о производном характере неравенства от ограниченности ресурсов в мире. В силу этого в обществе постоянно идет борьба индивидуальных, а в мире — борьба народов [1]. Отталкиваясь от социологической доктрины Т. Мальтуса, Ч. Дарвин пришел к пониманию биологической эволюции, что стало естественнонаучным обоснованием идеи всеобщей конкуренции и неравенства людей и народов.

Развивая эти идеи, И. Валлерстайн разработал модель единой мир-системы, которая состоит из центра, находящегося на верхнем этаже мироустройства, полупериферии — на среднем этаже и периферии, занимающей нижний этаж. В качестве центра позиционировался Запад с его материальными и политическими предпочтениями. По утверждению И. Валлерстайна, изменить положение страны в системе практически невозможно, т.е. неравенство между странами неизменно [2].

В докладе Римскому клубу 1972 г. «Пределы роста» (Деннис Медоуз и др.) во всех 12 сценариях развития человечества, по сути, утверждалось, что принцип равенства в мировом масштабе нереализуем, так как для этого ресурсов Земли недостаточно. На этой основе западной элитой провозглашался сценарий «ограниченного роста» и жесткого контроля рождаемости, а неравенство между странами закреплялось как статус-кво. «Сверхпотребление — для одних, ограниченное — для других, минимально-достаточное — для третьих» [3]. Таким образом, несмотря на провозглашенный ООН в 1974 г. новый экономический порядок, легитимизировалась модель неравного доступа к ресурсам для различных стран.

К началу третьего десятилетия XXI в. в мире сформировался солидный перечень глобальных вызовов и угроз [4], которые приняли характер мегатенденций

и требуют адекватных ответов¹. В их числе не только неравенство мирового развития, но и социально-демографические вызовы; дефицит продовольствия, чистой воды, энергии; нестабильность мировой финансовой системы; вызовы и угрозы, связанные с ростом кибератак, безответственным использованием искусственного интеллекта и биотехнологий; милитаризация космоса, изменение климата из-за глобального потепления, деградация и уничтожение природных экосистем, уменьшения биоразнообразия и др. При этом большинство исследователей, не умаляя важности каждого из этих вызовов, начали сходиться во мнении, что основным среди них является *экономическое неравенство*.

Задолго до пандемии к такому выводу пришли эксперты МВФ, заявившие, что рост неравенства в доходах принял угрожающие размеры и является главным вызовом современности [4]. По мнению лауреата Нобелевской премии Дж. Стиглица, «все социальные, политические, экономические проблемы и их трагические последствия коренятся в неравенстве» [5].

На важность и серьезность проблемы экономического неравенства указывают также российские ученые, которые выявили «тенденции к углублению неравномерности в распределении доходов и богатства в крупнейших национальных экономиках и мировом хозяйстве в целом за последние 40 лет» [6]. Опасность геополитического неравенства и неравенства внутри страны обсуждается в работе С.В. Казанцева [7].

Сотрудники Лаборатории мирового неравенства, созданной при Парижской школе экономики, в своем Докладе о неравенстве в мире — 2018, подготовленном на основе данных, собранных и обработанных более чем сотней исследователей с пяти континентов,

¹ Выдающийся английский ученый Арнольд Тойнби (1889–1975) определял «вызов» как нарастание противоречий между существующим состоянием общества и необходимостью реальных перемен, требующий от общества адекватного ответа из-за растущей неопределенности, тревожности и неустойчивости. Закон «вызова-и-ответа», по его мнению, оказывает решающее влияние на судьбу мировых цивилизаций.

соглашаясь с тем, что «экономическое неравенство широко распространено, многогранно и, до некоторой степени, неизбежно», пришли к выводу, что с 80-х гг. XX в. разрыв в доходах населения, а следовательно, и в возможностях удовлетворения потребностей во всех регионах мира увеличился, и что «если усиление неравенства не будет должным образом отслеживаться и для борьбы с ним не будут приниматься соответствующие меры, оно может привести к самым разным политическим, экономическим и социальным катастрофам» [8].

По данным ООН, семь из каждых десяти жителей планеты живут в странах, где неравенство в доходах только растет. У многих из них нет возможности учиться, нет доступа к медицинской помощи, нет возможности выбраться из бедности, что сказывается на качестве человеческого капитала и является одной из причин замедления экономического роста².

Пандемия обострила все вызовы в мировой экономике, но особенно отразилась на неравенстве мирового развития и экономическом росте. Падение мирового ВВП в 2020 г., по данным доклада ООН, составило 4,3%³. Такого не было со времен Великой депрессии. Во время финансового кризиса 2009 г. снижение мирового ВВП было в 2,5 раза меньше и составило всего лишь 1,7%. По данным МВФ, падение ВВП по ППС в 2020 г. в Великобритании составило 8,8%, во Франции — 7,1%, Мексике — 7,1%, Индии — 6,9%, ЮАР — 5,8%, Германии — 3,8%, Японии — 3,7%, Бразилии — 2,9%, в США — 2,3%, России — 1,9%. Из двадцатки крупнейших стран (группа G20) только в Китае прирост ВВП был положительным и составил +3,5%⁴. В наибольшей степени последствия пандемии отразились на развивающихся странах и беднейших слоях населения. Так, если безработица в странах ОЭСР увеличилась до 9%, то в развивающихся странах ее уровень колебался от 13 до 27%. От карантинных мер пострадало 80% экономически активного населения Земли, а снижавшаяся почти 10 лет общемировая численность людей, живущих в бедности, резко увеличилась на 131 млн человек. По данным Исследовательского института банка Credit Suisse, в мире последствия пандемии

COVID-19 привели к повсеместному росту неравенства в благосостоянии. В результате 1,1% взрослого населения мира принадлежит 191,6 трлн долл., или 45,8% глобального богатства. Вместе с 11,1% взрослого населения, принадлежащего к высшему среднему классу, они владеют 84,9% мирового богатства, в то время как 55% взрослого населения — только 1,3%⁵.

Усиление экономического неравенства и других глобальных вызовов ведет к росту социальной напряженности и неустойчивости в мировой экономике и дает основание ряду экспертов утверждать, что мир вошел в *точку бифуркации*. Очевидно, что впереди либо длительный период *хаоса*, либо система перейдет к новому состоянию *упорядоченности*. В этих условиях запрос на разработку адекватных моделей («ответов») общества на неравенство мирового развития и другие глобальные вызовы становится как никогда актуальным.

НЕРАВЕНСТВО МИРОВОГО РАЗВИТИЯ: ПАРАМЕТРЫ, НАПРАВЛЕННОСТЬ И ТЕНДЕНЦИИ

Под неравенством мирового развития мы будем понимать различия стран мира в темпах роста ВВП и изменении их доли в мировом ВВП; различия по показателю ВВП на душу населения, а также — в уровне благосостояния между разными группами населения.

Неравномерность темпов роста и смещение центра деловой активности

Анализ темпов экономического роста за последние два десятилетия (до пандемии), выполненный нами по странам с высоким, средним и низким уровнями дохода на душу населения⁶, показывает, что в странах с высоким доходом средний темп роста за период 2011–2020 гг. снизился в 2,4 раза, в том числе в США — в 2,2 раза по сравнению с последним десятилетием XX в. В то же время страны со средним уровнем дохода не только сохранили темпы своего роста, но даже несколько его нарастили (*табл. 1*).

Это привело к смещению центра деловой активности от стран Запада к Китаю, Индии, Индонезии, Турции и др., т.е. к так называемой периферии. Так, если в 60–80 гг. прошлого века доля стран ЕС (включая

² The challenge of inequality in a rapidly changing world [Internet]. URL: <https://www.un.org/development/desa/dspd/world-social-report/2020-2.html>

³ Доклад ООН «Мировое экономическое положение и перспективы, 2021». URL: <https://finance.rambler.ru/markets/45755221-v-oon-podveli-ekonomicheskie-itogi-2020-goda/>

⁴ Рассчитано по: <https://www.imf.org/en/Publications/SPROLLS/world-economic-outlook-databases#sort=%40imfdate%20descending>.

⁵ URL: <https://www.wsws.org/ru/articles/2021/06/24/ineq-j24.html>.

⁶ Подробнее о классификации Мирового банка стран по уровню доходов: <https://blogs.worldbank.org/opendata/new-world-bank-country-classifications-income-level-2020-2021>

Таблица 1 / Table 1

Темпы прироста ВВП и ВВП на душу населения для групп стран с различным уровнем дохода /
Growth rates of GDP and GDP per capita for groups of countries with different income levels

Страны/Индикатор	Средний темп прироста ВВП, %			ВВП на душу населения по ППС (тыс. межд. долларов 2017)			Средний темп прироста ВВП на душу населения, %		
	1991–2000	2001–2010	2011–2020	2000	2010	2020	1991–2000	2001–2010	2011–2020
Страны с высокими доходами,	2,72	1,74	1,13	39,5	44,30	47,80	2,26	1,16	0,68
в том числе США	3,75	1,82	1,69	50,10	54,30	60,20	2,60	0,90	1,10
Страны со средними доходами,	3,50	6,20	3,80	5,30	8,50	11,40	1,70	5,00	2,80
в том числе Китай	10,53	10,80	6,53	3,50	8,90	16,40	9,40	10,20	6,00
Страны с низкими доходами	0,46	6,18	3,80	н\д	н\д	н\д			
Мир	2,94	2,94	2,05	11,10	13,90	16,20	1,60	2,40	1,40

Источник / Source: рассчитано авторами на основе данных Всемирного банка / compiled by the authors based on the World Bank. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>.

Великобританию) в мировом ВВП колебалась в пределах от 37 до 33%, США — от 28 до 24%, а на остальной мир, включая Китай, Индию и другие экономики приходилось от 35 до 43% мирового ВВП (рис. 1), то с конца 1980-х гг. XX в. — начала 2000-х гг. Китай начал завоевывать все больше места в мировой экономике, тесня США и европейские страны. Доля стран с высокими доходами снизилась в мировом ВВП с 80% во второй половине XX в. до 63% в 2019–2020 гг. В то же время на страны с низкими доходами приходится менее 1% мирового ВВП. Заметим, что на подавляющее большинство стран мира (*The rest of the world* на рис. 1), исключая США, Китай и страны ЕС, с 1980 гг. XX в. приходится 42–43% мирового ВВП, и эта доля сохраняется и в XXI в.

Более детально динамику изменения доли стран в мировом ВВП можно проследить на выборке стран, входящих в G20 и G7 (табл. 2). Доля стран G7 в мировом ВВП за 30 лет снизилась в 1,6 раза и составляет теперь менее трети. Причем доли Италии и Японии снизились более чем в 2 раза, Франции и Германии — более чем в 1,7 раза, Великобритании — в 1,6 раза, а США — почти в 1,4 раза. В то же время доля Китая выросла более чем в 4,5 раза, Индии — почти в 2 раза, Южной Кореи — в 1,5 раза, Индонезии — в 1,3 раза.

Однако относительно низкие темпы роста ВВП на душу населения в среднем по миру не позволяют быстро изменить неравенство в среднедушевых доходах. По состоянию на 2000 г., ВВП на душу населения по

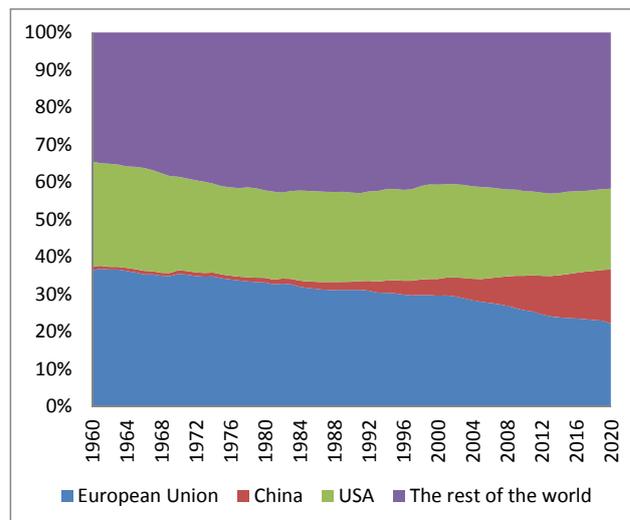

Рис. 1 / Fig. 1. Динамика доли США, Китая и стран ЕС (включая Великобританию) в мировом ВВП / Share in world GDP of the USA, China and the EU countries (including the UK)

Источник / Source: рассчитано авторами на основе данных Всемирного банка / compiled by the authors based on the World Bank. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>.

ППС в развитых странах⁷ был в 3,6 раза выше, чем в среднем по миру, в 2010 г. — в 3,2 раза, в 2020 г. —

⁷ Всемирный банк в 2016 г. исключил из своей терминологии понятия «развитые» и «развивающиеся страны». Мы, однако, там, где это уместно, будем придерживаться терминов «развитые страны» и «страны с формирующимися и развивающимися рынками», опираясь на классификацию МВФ.

Таблица 2 / Table 2

Изменение доли стран G20и G7 в мировом ВВП (ППС), % / Change in the share of the G20 and G7 countries in world GDP (PPP), %

Страна/год	1990	2000	2020
Австралия	1,176	1,103	1,010
Аргентина	0,839	0,852	0,715
Бразилия	3,641	3,148	2,395
Великобритания	3,610	3,134	2,248
Германия	5,876	4,773	3,416
Индия	3,495	4,029	6,765
Индонезия	1,933	1,964	2,508
Италия	4,190	3,309	1,870
Канада	2,050	1,825	1,405
Китай	4,032	7,277	18,338
Южная Корея	1,175	1,570	1,755
Мексика	2,664	2,528	1,857
Россия	4,844	3,061	3,112
США	21,644	20,380	15,900
Саудовская Аравия	1,891	1,638	1,236
Турция	1,444	1,394	1,934
Франция	4,041	3,344	2,278
ЮАР	0,857	0,690	0,545
Япония	9,106	6,918	4,036
В том числе страны G7	50,517	43,683	31,153

Источник / Source: рассчитано авторами на основе данных Международного валютного фонда (МВФ) / compiled by the authors based on the International Monetary Fund (IMF). URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/April>

почти в 3 раза. Если же сравнить страны с высокими доходами со странами со средним уровнем доходов, то, хотя налицо тенденция к снижению неравенства, разрыв колоссален. В 2000 г. он составлял почти 7,5 раза, в 2010 г. — 5,2 раза, в 2020 г. — 4,2 раза. В абсолютных цифрах этот разрыв на протяжении последних 30 лет не только не уменьшился, но имел тенденцию к росту (рис. 2).

В относительном снижении неравенства по ВВП на душу населения большая роль принадлежит Китаю. До 1978 г., т.е. до начала реформ и проведения политики открытости, 95% населения находилось в условиях абсолютной нищеты. Благодаря глубоко продуманной долгосрочной стратегии, разработанной

руководством КНР, 800 млн китайцев за 40 лет вырвались из бедности. Только за последние 20 лет Китай смог увеличить реальный ВВП на душу населения по ППС более чем в 4 раза.

В сокращении разрыва между странами с высокими и средними доходами в 2020 г. (рис. 2) также основная роль принадлежит Китаю. Как уже отмечалось, он сохранил в 2020 г. положительные темпы прироста ВВП и ВВП на душу населения.

При сохранении средних темпов прироста ВВП и ВВП на душу населения на уровне последнего десятилетия для основных групп стран к 2050 г. Китай будет производить почти половину мирового ВВП, а ВВП на душу населения в Китае будет больше, чем

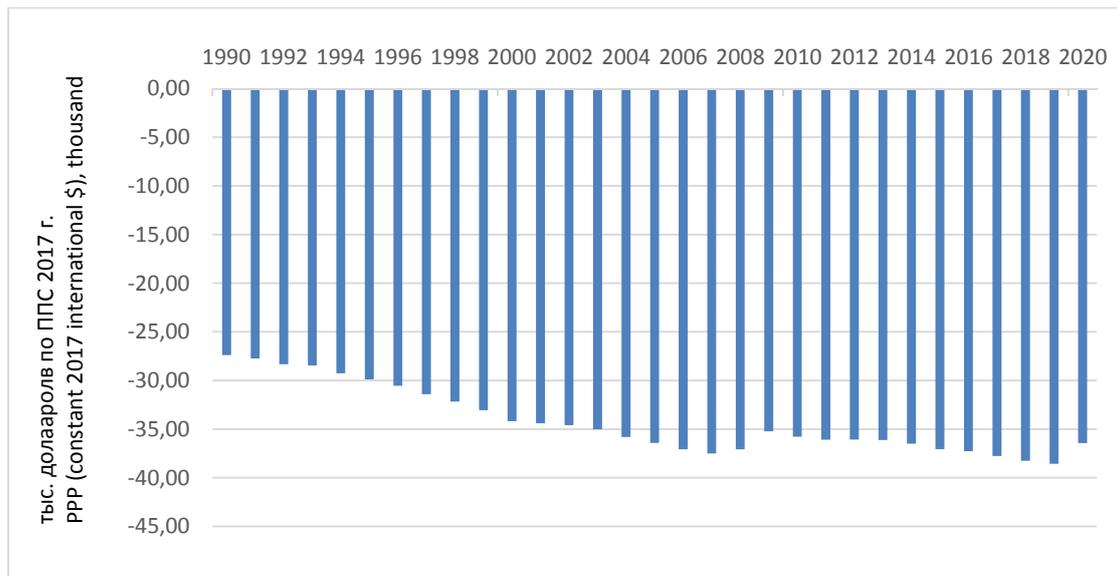

Рис. 2 / Fig. 2. Разница средних значений ВВП на душу населения по ППС стран с высокими и средними доходами / The gap between GDP per capita in high- and middle-income countries

Источник / Source: рассчитано авторами на основе данных Всемирного банка / compiled by the authors based on the World Bank. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>

в США. Вместе с тем страны с низким уровнем дохода, несмотря на относительно высокие темпы роста агрегированного ВВП, не смогут занять в мировой экономике более заметное место и будут производить по-прежнему около 1% мирового ВВП. Этот грубый расчет не учитывает множество факторов, но дает ориентир на сложившееся направление развития, которое усиливает межстрановую дифференциацию и ведет к росту глобальной социальной напряженности и мировым конфликтам, но, с другой стороны, высвечивает угрозу потери лидерства в мировой экономике для США и других стран Запада. В этих условиях США объявляют главными угрозами не реально существующие вызовы, а Россию и Китай. Конкурентная борьба за рынки и факторы производства, информацию и даже за эффективные вакцины принимает характер экономической и информационной конфронтации.

Неравенство между доходом на капитал и труд

Одним из важных индикаторов, говорящих о тенденции к углублению неравенства, является доля оплаты труда в структуре ВВП. В данном случае речь идет о неравенстве в распределении доходов между трудом и капиталом. Капитал играет важнейшую роль в интенсификации развития экономики. Доходы от капитала преобладают в структуре ВВП в развивающихся странах [9], что дает возможность повысить норму сбережений и финансировать дальнейшие капитальные вложения. В развитых странах

в последние десятилетия прошлого века доля трудовых доходов в ВВП повышалась, что способствовало росту численности и уровню благосостояния среднего класса.

Однако в XXI в. в развитых странах наметилась тенденция к снижению доли оплаты труда в валовом доходе, что рассматривается как угроза увеличению неравенства между работниками и владельцами капитала⁸. Капитал, как правило, более концентрирован, снижение доли компенсации трудозатрат в выпуске приводит к снижению уровня потребления домохозяйствами, а также сказывается на таких макроэкономических показателях, как инвестиции частного сектора, государственные расходы и др. [10].

Цель дальнейшего анализа — выявление тенденции для показателя доли оплаты труда в структуре ВВП для стран с высоким и средним уровнем дохода за последние 20 лет. Источником в нашем исследовании является база данных TED (The Total Economy Database⁹). Статистические данные, предоставляемые TED, получены на основе расчета доли компенсации труда работников (включая самозанятых) по отношению к номинальному ВВП в рыночных ценах. Поскольку для большинства стран с низким уровнем дохода определение доли компенсации трудозатрат

⁸ OECD. The Labour Share in G20 Economies. 2015.

⁹ The Conference Board Total Economy Database™. URL: <https://conference-board.org/data/economydatabase>

**Описательные статистики для показателя Доля компенсации трудозатрат
в ВВП / Descriptive statistics for Labour share in GDP**

Группа стран/показатель	Среднее по группе и периоду наблюдений/ Медиана	Стандартное отклонение	Коэффициент вариации, %	Число наблюдений
Страны с высокими доходами	51,0 / 54,0	11,4	22	867
Страны со средними доходами	46,6 / 78,2	11,1	24	1154
Все страны	48,5 / 50,9	11,4	23,5	2021

Источник / Source: рассчитано авторами на основе данных The Total Economy Database / compiled by the authors based on The Total Economy Database. URL: <https://conference-board.org/data/economydatabase>.

основано на косвенных методах, эти страны не входят в дальнейший анализ. Из анализа также исключен ряд стран со средним уровнем дохода, для которых нет данных. Таким образом, (несбалансированная) панель содержит 2021 наблюдение для периода с 1999 по 2019 г. для 99 стран мира.

Описательные статистики показателя *Доля компенсации трудозатрат в ВВП* приведены в табл. 3. В странах с высоким уровнем дохода среднее значение этого показателя составляет 51% и значительно варьируется как между странами, так и с течением времени. Среднее значение по группе стран со средним уровнем дохода несколько ниже, статистически и экономически значимо отличается от показателя для стран с высоким уровнем дохода. Статистическую значимость различий подтверждает тест Стьюдента (t-test) и Уэлча (Welch t-test) (соответствующие тестовые статистики равны 9,03 и 9,13 соответственно).

Для выявления динамики на первом этапе оценивалась стандартная линейная регрессия для переменной *Доля компенсации трудозатрат в ВВП* (обозначено на рис. 3 как L_SHARE). Уравнение регрессии содержит трендовую компоненту ($@Trend$), фиктивную переменную для учета влияния глобального финансово-экономического кризиса ($D\ 2009$). В спецификацию также включена зависимость от предыдущих значений $L_SHARE(-1)$ для учета устойчивости этой величины во времени (раньше считалось, что доля труда в капитале постоянна). Эта регрессия служит отправной точкой для последующего анализа, с ее коэффициентами будут сравниваться коэффициенты квантильных регрессий. Коэффициент при фиктивной переменной показывает сдвиг в уровне компенсации трудозатрат после глобального кризиса 2008–2009 гг. Значения этих коэффициентов приве-

дены на рис. 3 (сплошная горизонтальная линия на каждом графике показывает значение соответствующего МНК-коэффициента).

МНК-регрессия показывает, что при достаточно устойчивой связи текущих значений L_SHARE со своими предыдущими значениями нет общей тенденции в изменении компенсации трудозатрат в ВВП (соответствующие коэффициенты при МНК-оценке статистически незначимы на уровне 5%).

На следующем этапе оценивались квантильные регрессии [11]. В квантильных регрессиях центральным вопросом является неоднородность эффекта (в данном случае наличие тренда в изменении L_SHARE) на разных участках распределения. Целью использования квантильных регрессий было выявить, для какого уровня L_SHARE есть тенденции к росту/снижению доли труда в выпуске, а для какого — нет.

Для интерпретации результатов, представленных на рис. 3, следует принять во внимание следующее. Для 70% наблюдений коэффициент при $L_SHARE(-1)$ незначимо отличается от 1. Это позволяет переформулировать уравнение авторегрессии в уравнение для определения прироста показателя L_SHARE . Тогда коэффициент C показывает оценку прироста, не меняющуюся во времени, а оценка коэффициента при $@TREND$ — переменную во времени часть. Результаты показывают, что для стран со значениями L_SHARE ниже медианы выявляется отрицательный прирост, который постепенно уменьшается по абсолютной величине (положительный тренд, ослабевающий при увеличении показателя L_SHARE). В то же время для этих же стран произошел общий сдвиг этого показателя вниз после глобального финансово-экономического кризиса. А для стран с высокими значениями L_SHARE (таких как США, Канада, Австралия) выявлен статисти-

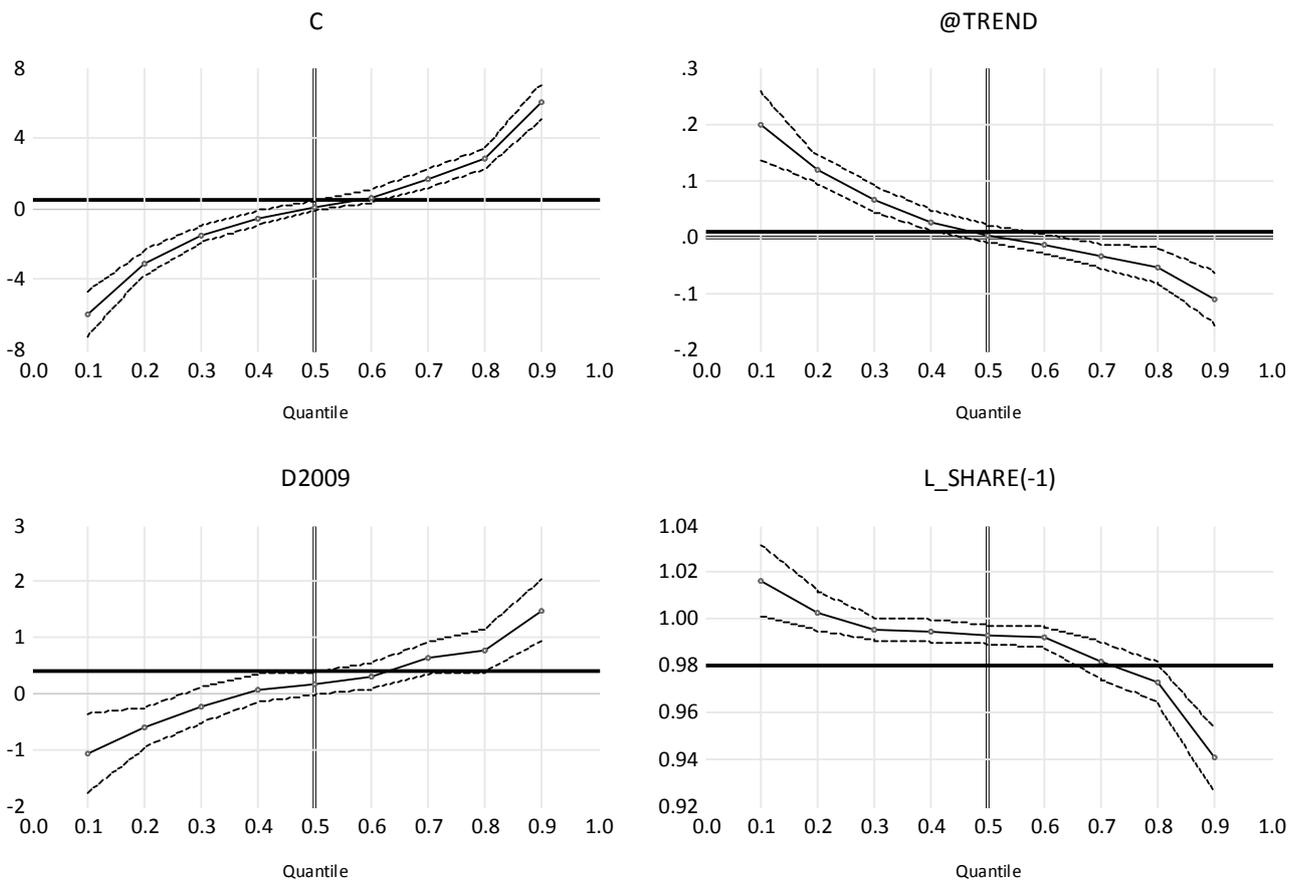

Рис. 3 / Fig. 3. Изменение коэффициентов квантильной регрессии / Quantile progress estimates

Источник / Source: рассчитано авторами / compiled by the authors.

Примечание / Note: жирная линия – МНК-оценка коэффициента, пунктирная линия – 95%-ный доверительный интервал квантильной регрессии / Bold line – OLS estimate, dotted line – 95% confidence interval quantile estimates.

чески значимый негативный тренд, т.е. уменьшение прироста показателя L_SHARE за последние 20 лет.

Заметим, что само по себе низкое значение доли компенсации трудозатрат в ВВП не говорит о высокой степени неравенства в распределении дохода. Так, например, в Норвегии, которая придерживается принципов построения социального государства [12], значение показателя L_SHARE ниже медианного для анализируемого пула данных. Вместе с тем значение коэффициента Джини — одно из самых низких (по данным Мирового банка). Но в среднем наблюдается следующая взаимосвязь: чем меньше значение L_SHARE , тем больше медианное значение коэффициента Джини (рис. 4), а значит, и больше неравномерность в распределении дохода.

Перераспределение дохода в пользу капитала и «сжатие» среднего класса в США и некоторых других странах провоцирует рост социальной напряженности в современном обществе. Пандемический кризис только обостряет противоречия между трудом

и капиталом и без изменений в модели развития приведет к глобальному структурному кризису.

«ВЕЛИКАЯ ПЕРЕЗАГРУЗКА КАПИТАЛИЗМА» – ИНКЛЮЗИВНОЕ РАЗВИТИЕ ИЛИ УСИЛЕНИЕ МИРОВОГО НЕРАВЕНСТВА?

Рост неравенства в мире и угроза изменения климата являются глобальными и приоритетными вызовами человечеству и не могут не вызывать чувства озабоченности у мировой элиты. Размышляя о причинах неравенства, североамериканский экономист Д. Асемоглу совместно с британским политологом Дж.А. Робинсоном сформулировали тезис «о предпочтительности соответствия централизации (государство)... и институционального плюрализма в форме инклюзивного развития» [13].

В центре концепции инклюзивного развития стоит человек с необходимостью обеспечения повышения качества его жизни и развития как личности. Эконо-

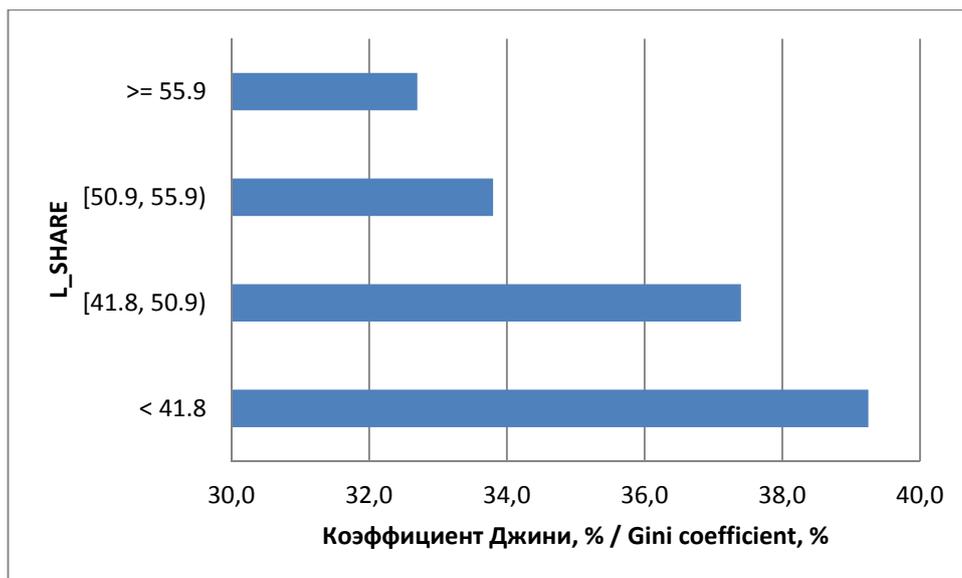

Рис. 4 / Fig. 4. Медианное значение коэффициента Джини в зависимости от значений *L_SHARE* / Median Gini coefficient versus *L_SHARE* values

Источник / Source: рассчитано авторами на основе данных Мирового банка и The Total Economy Database / compiled by the authors based on The World Bank Database and The Total Economy Database. URL: <https://conference-board.org/data/economydatabase>.

мический рост обеспечивается главным образом за счет научно-технического прогресса. В 2017 г. в рамках ВЭФ в Давосе для оценки уровней развития стран был представлен новый показатель — «индекс инклюзивного развития» (Inclusive Development Index, IDI), так как показатель «ВВП на душу населения» не отражает в достаточной мере уровень развития различных стран, тем более что рост и развитие — это не одно и то же¹⁰. Если к показателю IDI эксперты относятся по-разному, то концепция инклюзивного развития, по общему мнению, является «весьма успешной попыткой осмысления глобального приоритета в качестве основы плодотворного и справедливого развития государств» [14].

В ответ на эти вызовы и приоритетные запросы интеллектуалов западная элита в лице основателя и бессменного руководителя ВЭФ в Давосе Клауса Шваба летом 2020 г. выдвинула идею «Великой перезагрузки капитализма» (The Great Reset, далее GR),

которая стала основной темой ВЭФ, состоявшегося в январе 2021 г. в онлайн-формате. GR — это модель глобальной реструктуризации мировой экономики на цифровой основе и на базе чистой энергетики. По сути, она является развитием модели ограниченного роста, так как провозглашает в долгосрочном плане отказ от погони за прибылью. Цель GR — спасти капитализм, сделав его «инклюзивным». Но капитализм и инклюзивное развитие — это несочетаемые понятия. По мнению аналитиков Всемирного банка, «инклюзивный рост (ИР) подразумевает рост занятости, а не перераспределение доходов... При этом ИР не ставит целью создание рабочих мест или распределение дохода — это лишь возможные результаты»¹¹.

Идеи GR перекликаются с экономической политикой и хозяйственной практикой международных организаций, правительств, компаний. Так, ООН в 2015 г. приняла набор из 17 глобальных целей и 169 соответствующих задач устойчивого развития на период до 2030 г.

В декабре 2019 г. Еврокомиссия приняла *Европейский зеленый курс* по достижению в странах — членах ЕС нулевого выброса парниковых газов к 2050 г. Для реализации данного курса предусматриваются законодательные меры, субсидии, целевые инвестиции. Разработаны экономические меры по переходу про-

¹⁰ Индекс инклюзивного развития состоит из трех групп показателей: рост и развитие — ВВП на душу населения, ВВП на одного работника, ожидаемая продолжительность жизни, занятость населения; преемственность поколений и устойчивое развитие — скорректированные чистые сбережения, парниковая интенсивность ВВП, государственный долг, коэффициент демографической нагрузки; инклюзивность — уровень бедности, медианный доход, коэффициент расслоения общества по доходам, коэффициент расслоения общества по распределению богатства.

¹¹ URL: <https://zen.yandex.ru/media/freeconomy/inkliuzivnyi-rost-triuk-neokolonializma-5cab71e3643d2800af133042>.

мышленности ЕС на экологические нормы, в том числе ее защита от дешевой импортной продукции дополнительными таможенными сборами, использование квот на выбросы парниковых газов. «Зеленый курс» предполагает фундаментальную реформу европейской энергетической системы [15, 16].

В конце марта 2021 г. новое руководство США анонсировало стратегический план почти на 2 трлн долл. по переводу национальной инфраструктуры и энергетики на использование чистой энергии. Планируется прекратить выдачу лицензий на добычу ископаемого топлива и запустить проекты декарбонизации — отказ от ископаемых источников энергии, за счет которых сейчас США получают почти две трети электроэнергии [17], в пользу возобновляемых. В ближайшие 15 лет планируется активное развитие морской ветровой, солнечной и другой возобновляемой генерации, разработка соответствующих национальных стандартов по ее использованию, переход на повсеместное использование электромобилей, создание за счет бюджета около 500 тыс. электрозаправок. План предусматривает создание 19 млн высокотехнологичных рабочих мест в новой «зеленой» экономике.

Идеи «Великой перезагрузки» поддержаны руководством МВФ, главами крупнейших мировых компаний. Так, например, Toyota объявила о прекращении производства автомобилей с ДВС с 2025 г., Volvo — с 2030 г., General Motors — с 2035 г.

В мае 2021 г. Международное энергетическое агентство представило подробный план перехода на «зеленую» энергетику и достижения климатической нейтральности к середине текущего столетия под названием «Net Zero by 2050»¹². К 2050 г. две трети всей энергии на планете должно обеспечиваться за счет ВИЭ и частично ядерной энергетики. К 2030 г. следует закрыть неэффективные угольные станции, а к 2040 г. — все оставшиеся. Кстати, Германия уже объявила о закрытии к 2038 г. всех угольных электростанций. Долю электромобилей в продажах предлагается увеличить с 5 до 60%, число зарядных станций для них — с 1 до 40 млн. С 2035 г. — прекратить продажу новых автомобилей с двигателями внутреннего сгорания. Только в этом десятилетии энергоэффективность должна ежегодно расти на 4%, что почти в три раза быстрее, чем ранее планировалось. Разумеется, это потребует крупных инвестиций. Для развивающихся стран — экспортеров углеводородов — это колоссальный вызов, так как к середине XXI в. доходы от экспорта нефти

и природного газа упадут из-за снижения цен и спроса на них почти в 2 раза. Данный план подготовлен для 26-й конференции ООН об изменении климата, которая пройдет в Глазго с 1 по 12 ноября 2021 г. Решения этой конференции станут обязательными для всех участников Парижского соглашения, включая Россию и Китай.

В своей новой книге «Капитализм заинтересованных сторон» Клаус Шваб предлагает такую модель капитализма, при которой необходимо отказаться от сегодняшней экономической системы, движимой «эгоистичными ценностями, такими как максимизация краткосрочной прибыли, уклонение от уплаты налогов и регулирования или экстернализация экологического ущерба. *Вместо этого нам нужно общество, экономика и международное сообщество, которое призвано заботиться обо всех людях и всей планете*» [18].

Нельзя не отметить, что за этими внешне привлекательными идеями «перезагрузки» и заботой об изменении климата скрываются интересы капитала и мировой элиты, которые получают в руки климатическое оружие и технологии тотального цифрового контроля. Произойдет перераспределение мирового богатства с помощью штрафов и налогов на углеродные выбросы, а также из-за снижения доходов от экспорта традиционных энергоресурсов, роста расходов на закупки цифровых и «зеленых» технологий, более экологичных транспортных средств.

За идеей «устойчивости» скрывается истинный смысл «перезагрузки», который состоит в координированном изменении правил игры на глобальных рынках, в перераспределении национальных инвестиций по планам, прописанным ВЭФ и развитыми странами для построения «экологичной экономики». В своих более ранних работах Клаус Шваб говорил об освобождении капитала от издержек социальных выплат вследствие развития онлайн-платформ, распространения роботизации и алгоритмов, вытесняющих человека из сферы производства. Он сторонник слияния «технологий в физическом, цифровом и биологическом мирах».

Включившись в развитие проектов «великой перезагрузки», национальные экономики станут более зависимыми от глобальных институтов и глобальных ТНК, которые получают больше власти и денег, а граждане — меньше свободы и больше контроля. Очевидно, что такая модель, работающая на миллион человек или даже на «золотой миллиард», по определению неустойчива¹³. Если на саммите в Биаррице в 2019 г.

¹² A Roadmap for the Global Energy Sector. URL: <https://www.iea.org/reports/net-zero-by-2050>.

¹³ Стенограмма выступления В. В. Путина на ВЭВ в Давосе, январь 2021 г. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma->

подчеркивалась важность борьбы с неравенством и необходимость пересмотра (с учетом этого) цели международного сотрудничества [19], то на саммите в июне 2021 г. в Великобритании основной целью было объявлено достижение странами G7 углеродной нейтральности не позднее 2050 г. и переход на преимущественно декарбонизированную энергетику и транспорт с нулевым выбросом CO₂.

Таким образом, модель GR — это не спонтанная инициатива руководства ВЭФ. Западная элита на фоне заботы об экологии и изменении климата стремится переформатировать мировую экономику, что будет иметь глобальные геополитические последствия и приведет к усилению мирового неравенства.

В ПОИСКАХ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ МОДЕЛИ «ОТВЕТА» НА РАСТУЩЕЕ МИРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО

Совершенно очевидно, что мировое сообщество нуждается в таких моделях и стратегиях развития, которые направляли бы усилия и ресурсы, новые технологии и заботу об экологии и изменении климата на преодоление мирового неравенства, повышение уровня и качества жизни населения не только в развитых, но и в развивающихся странах. Основой для разработки таких моделей и стратегий могут стать представления об «общей судьбе» человечества в трудах российских ученых и политиков; опыт реализации советского проекта с его декларацией «о необходимости объединения человечества для осуществления перехода к новым ресурсным парадигмам» [3]; активно разрабатываемая в последние десятилетия в России и мире и базирующаяся на «системной парадигме» новая теория экономических систем; концепция инклюзивного развития и идеи ученых китайской школы и лидера КНР Си Цзиньпина о «сообществе единой судьбы человечества» [20].

Размышления об «общей судьбе» человечества встречаются в работах В.О. Ключевского, Н.Я. Данилевского, В.И. Вернадского, Д.И. Менделеева, Л.И. Абалкина, А.К. Адамова и др., в трудах классиков марксизма-ленинизма и представителей китайской школы [21]. Так, по убеждению В.И. Вернадского, идея общего дома человечества «вышла за пределы отдельных личностей ... и стала двигателем жизни и быта народных масс или государственных образований» [3].

Важную роль в преодолении мирового неравенства играет технологический трансфер. Один из основ-

ных выводов новой экономической теории гласит: «Гемеостаз в экономике будет иметь место, если каждая экономическая система, обладающая тем или иным видом ресурса в избытке, будет содействовать передаче этого ресурса одной или нескольким системам, для которой он дефицитен» [22]. Однако в мире технологический трансфер используется развитыми странами для максимизации своей прибыли и не отвечает национальным интересам развивающихся стран. В частности, поэтому в Китае еще в 2007 г. была поставлена задача перехода страны к эндогенному инновационному развитию, наращиванию высококлассных специалистов до 180 млн человек, что рассматривается в США как угроза их технологическому доминированию [14].

Суть концепции «сообщества единой судьбы человечества» состоит в реализации принципа взаимовыгодности для всех наций и культур. Китай последовательно реализует данную концепцию, развивая как собственную экономику, так и международное экономическое сотрудничество.

Так, по итогам выполнения 13-го пятилетнего плана, в Китае построено «умеренно процветающее общество». Китай достиг уровня страны со средним доходом. В стране практически полностью искоренили крайнюю бедность¹⁴. Однако проблема неравенства в доходах в Китае является крайне актуальной, так как остается одной из самых высоких в мире.

Новый 14-й пятилетний план Китая на 2021–2025 гг. предусматривает продолжение курса на реализацию двух стратегических целей: стать в текущем десятилетии *крупнейшей экономикой мира* и обществом с *высоким уровнем дохода населения*. Чтобы обезопасить себя от внешних вызовов, связанных с падением спроса на китайский экспорт, санкциями США, финансовыми рисками и др., в Китае разработана «стратегия двойной циркуляции», предусматривающая опору на внутреннее производство и внутренний спрос при сохранении и дальнейшем развитии внешней торговли и внешнеэкономических связей. Эти два контура, внешний и внутренний, должны поддерживать друг друга и обеспечивать устойчивость экономического развития.

Огромный потенциал внутреннего рынка позволит Китаю даже в условиях падения темпов роста мировой экономики обеспечить устойчивое развитие собствен-

vystuplenija-putina-na-onlain-forume-davoskaja-povestka-dnja-2021-27-01-2021.html.

¹⁴ Границей бедности в КНР принят доход в 1 долл. на человека в день (порядка 6,9–7,2 юаней) или 214–223 юаня в месяц. За годы реформ в Китае из состояния бедности выведено более 800 млн человек.

ной экономики и обезопасить ее от внешних рисков.

Особое место в китайской модели отводится *качеству* развития, которое может быть достигнуто с помощью собственных уникальных технологий и инноваций при увеличении доли в экономике высокотехнологичных и наукоемких производств [23], а также путем ориентации экономики на более экологичные «зеленые» технологии. Последовательно реализуя принятую в 2015 г. программу импортозамещения «Made in China — 2025», Китай в новом пятилетнем плане предусматривает ежегодные темпы прироста расходов на исследования и разработки, равные 7%, с таким расчетом, что в 2025 г. он будет тратить на них больше всех в мире — 580 млрд долл.

Без ориентации экономики на более экологичные «зеленые» технологии невозможно повысить качество жизни населения, так как страна по выбросам углекислого газа в атмосферу занимает первое место в мире, а его объемы в 2 раза больше, чем в США. За годы пятилетки планируется снизить энергоемкость ВВП на 13,5%, активно развивать возобновляемую и атомную энергетику, увеличивать площадь лесов, а к 2060 г. перейти полностью на безуглеродную энергетику.

Несмотря на смещение акцентов на внутренний рынок, Китай не отказывается от расширения внешнеэкономических связей. Объявленный и реализуемый Китаем проект «Один пояс — один путь» (сейчас «Путь и пояс») представляет собой гигантский набор проектов, направленный на объединение регионов, стран и людей со стальной и бетонной инфраструктурой, цифровыми сетями [24] и, в более общем смысле, инструментами, которые обеспечивают потоки внутри страны и за рубежом. Делая акцент на «оставшихся за бортом» глобализации западных и центральных

провинциях Китая, а затем за его пределами — в Центральной Азии и Африке, политика Китая переключается с глобальной озабоченностью растущим неравенством.

Высокие темпы развития экономики Китая и рост доли высокотехнологичного производства обеспечат огромные возможности для торговых партнеров Китая, включая Россию, и будут способствовать снижению мирового неравенства.

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ показывает, что благодаря усилиям международного сообщества и национальных правительств (прежде всего — Китая), за последние десятилетия относительное неравенство между странами с высоким и средним уровнем доходов сократилось, однако в абсолютном выражении — выросло. Наряду с климатическими угрозами это является главной проблемой человечества.

Предлагаемая западными элитами модель «великой перезагрузки капитализма» на фоне заботы об экологии и изменении климата нацелена на переформатирование мировой экономики. Ее реализация будет иметь глобальные геополитические последствия и приведет к усилению мирового неравенства.

В мире идет поиск альтернативных моделей развития. Реализуемая в Китае экономическая модель направлена на достижение им двух стратегических целей: стать в текущем десятилетии крупнейшей экономикой мира и обществом с высоким уровнем дохода населения, а также снизить неравенство внутри страны и распространить положительные эффекты глобализации на все страны с учетом глобальной озабоченности растущим неравенством.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Публикация подготовлена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

ACKNOWLEDGMENTS

This paper has been supported by the RUDN University Strategic Academic Leadership Program.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/ REFERENCES

1. Мальтус Т. Опыт о законе народонаселения. Пер. с англ. М.: Директ-Медиа; 2014. 204 с.
Malthus T.R. An essay on the principle of population. Oxford, New York: Oxford University Press; 2008. 172 p. (Oxford World's Classics Series). (Russ. ed.: Malthus T. Opyt o zakone narodonaseleniya. Moscow: Direct-Media; 2014. 204 p.).
2. Wallerstein I.M. World-system analysis: An introduction. Durham, London: Duke University Press; 2004. 109 p.
3. Багдасарян В., Сулакшин С. Превосходство, присвоение, неравенство. М.: Научный эксперт; 2013. 304 p.
Bagdasaryan V, Sulakshin S. Superiority, appropriation, inequality. Moscow: Nauchnyi ekspert; 2013. 304 p. (In Russ.).

4. Dabla-Norris E., Kochhar K., Suphaphiphat N., Ricka F., Tsounta E. Causes and consequences of income inequality: A global perspective. IMF Staff Discussion Note. 2015;(13). URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/sdn/2015/sdn1513.pdf>
5. Stiglitz J.E. The price of inequality: How today's divided society endangers our future. New York, London: W.W. Norton & Company; 2012. 560 p.
6. Клинов В.Г., Сидоров А.А. Мировые тенденции в распределении доходов и проблемы социально-экономического развития. *Вопросы экономики*. 2018;(7):30–44. DOI: 10.32609/0042–8736–2018–7–30–44
Klinov V.G., Sidorov A.A. World trends in the distribution of national income and problems of economic and social development. *Voprosy ekonomiki*. 2018;(7):30–44. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042–8736–2018–7–30–44
7. Казанцев С.В. Опасность социально-экономического неравенства. *Мир новой экономики*. 2016;(4):51–61.
Kazantsev S.V. The danger of social-economic inequality. *Mir novoi ekonomiki = The World of New Economy*. 2016;(4):51–61. (In Russ.).
8. Alvaredo F., Chancel L., Piketty T., Saez E., Zucman G. World inequality report 2018. Paris: World Inequality Lab; 2017. 298 p. URL: <https://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-full-report-english.pdf>
9. Клинов В.Г. Сдвиги в распределении доходов между трудом и капиталом: факторы, последствия. *Вопросы экономики*. 2016;(7):64–77. DOI: 10.32609/0042–8736–2016–7–64–77
Klinov V. Trends in the distribution of income between labor and capital: Factors, consequences and problems of adjustment. *Voprosy ekonomiki*. 2016;(7):64–77. DOI: 10.32609/0042–8736–2016–7–64–77
10. Piketty T. Capital in the twenty-first century. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press; 2014. 685 p.
11. Koenker R., Hallock K.F. Quantile regression. *Journal of Economic Perspectives*. 2001;15(4):143–156. DOI: 10.1257/jep.15.4.143
12. Балашова С.А., Абрамова А.А. Инновации и производительность: особенности скандинавских стран. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2021;29(1):88–98. (На англ.). DOI: 10.22363/2313–2329–2021–29–1–88–98
Balashova S.A., Abramova A.A. Innovation and productivity: The case of Nordic countries. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Ekonomika = RUDN Journal of Economics*. 2021;29(1):88–98. DOI: 10.22363/2313–2329–2021–29–1–88–98
13. Acemoglu D., Robinson J.A. Why nations fail: The origins of power, prosperity, and poverty. New York: Crown Business; 2012. 546 p.
14. Бирюков А. Инклюзивное развитие в контексте глобальных революций. *Экономические стратегии*. 2011;13(12):80–87.
Biruykov A. Inclusive development in the context of global revolutions. *Ekonomicheskie strategii = Economic Strategies*. 2011;13(12):80–87. (In Russ.).
15. Леонард М., Пизани-Ферри Ж., Шапиро Д., Тальяпьетра С., Вольф Г. Геополитика европейского зеленого курса. Россия в глобальной политике. 17.02.2021. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/geopolitika-zelyonogo-kursa/>
Leonard M., Pisani-Ferry J., Shapiro J., Tagliapietra S., Wolff G. Geopolitics of the European Green Deal. Russia in Global Affairs. Feb. 02, 2021. (In Russ.).
16. Секачева А.Б. Кризисные явления в экономике Европейского союза на современном этапе его развития. *Мир новой экономики*. 2021;15(1):91–99. DOI: 10.26794/2220–6469–2021–15–1–91–99
Sekacheva A.B. Crisis phenomena in the European Union economy at the present stage of its development. *Mir novoi ekonomiki = The World of New Economy*. 2021;15(1):91–99. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220–6469–2021–15–1–91–99
17. Balashova S., Ratner S., Gomonov K., Berezin A. Modeling consumer and industry reaction to renewable support schemes: Empirical evidence from the USA and applications for Russia. *International Journal of Energy Economics and Policy*. 2020;10(3):158–167. DOI: 10.32479/ijeep.8961
18. Schwab K., Vanham P. Stakeholder capitalism: A global economy that works for progress, people and planet. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, Inc.; 2021. 304 p.
19. Постел-Винай К. Глобализация 4.0 и новые модели международного сотрудничества. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2020;15(2):82–92. DOI: 10.17323/1996–7845–2020–02–04

- Postel-Vinay K. Globalization 4.0 and new modes of international cooperation. *International Organisations Research Journal*. 2020;15(2):60–67. DOI: 10.17323/1996–7845–2020–02–04 (In Russ.: *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika*. 2020;15(2):82–92. DOI: 10.17323/1996–7845–2020–02–04).
20. Цуй Ц., Сунь Ц. Сообщество единой судьбы. *Беларуская думка*. 2017;(5):68–74.
Cui Q., Sun J. Community of one destiny. *Belaruskaya dumka*. 2017;(5):68–74. (In Russ.).
21. Бояркина А.В. Концепция Си Цзиньпина «сообщества единой судьбы человечества» и представления об «общей судьбе» в трудах российских ученых и политиков. *Дискурс-Пи*. 2020;(4):112–132. DOI: 10.24411/1817–9568–2020–10408
Boyarkina A.V. Xi Jinping’s concept of a “community with a shared future for mankind” and ideas on “common destiny” in works of the Russian scholars and politicians. *Diskurs-Pi = Discourse-P*. 2020;(4):112–132. (In Russ.). DOI: 10.24411/1817–9568–2020–10408
22. Клейнер ГБ. Новая теория экономических систем и ее приложения. *Вестник Российской академии наук*. 2011;81(9):794–811.
Kleiner GB. A new theory of economic systems and its applications. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2011;81(5):516–532. (In Russ.: *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*. 2011;81(9):794–811).
23. Решетникова М.С. Китайский опыт развития искусственного интеллекта: промышленная цифровизация. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2020;28(3):536–546. DOI: 10.22363/2313–2329–2020–28–3–536–546
Reshetnikova M.S. China’s AI experience: Industrial digitalization. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Ekonomika = RUDN Journal of Economics*. 2020;28(3):536–546. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313–2329–2020–28–3–536–546
24. Ижу Л., Авдокушин Е.Ф. Формирование основ «цифрового шелкового пути». *Мир новой экономики*. 2019;13(4):62–71. DOI: 10.26794/2220–6469–2019–13–4–62–71
Yiju L., Avdokushin E.F. Forming the foundations of the “Digital Silk Road.” *Mir novoi ekonomiki = The World of New Economy*. 2019;13(4):62–71. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220–6469–2019–13–4–62–71

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Владимир Михайлович Матюшок — доктор экономических наук, профессор, профессор-консультант кафедры экономико-математического моделирования экономического факультета РУДН, Москва, Россия

Vladimir Mikhailovich Matyushok — DSc in Economics, Professor, Professor-Consultant of the Department of Economic and Mathematical Modelling of the Faculty of Economics, RUDN University, Moscow, Russia
vmatyushok@mail.ru

Светлана Алексеевна Балашова — кандидат физико-математических наук, доцент, заведующая кафедрой экономико-математического моделирования экономического факультета РУДН, Москва, Россия

Svetlana Alekseevna Balashova — Cand. Sci. (Phys.-math.), Associate Professor, Head of the Department of Economic and Mathematical Modelling, Faculty of Economics, RUDN University, Moscow, Russia
balashova-sa@rudn.ru

Статья поступила 03.09.2021; после рецензирования 20.09.2021; принята к публикации 30.10.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 03.09.2021; revised on 20.09.2021 and accepted for publication on 30.10.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.